

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙ ОДУШЕВЛЕННОСТИ И ГЕНДЕРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

ANIMACY AND GENDER ASSIGNMENT IN ENGLISH TEXTS AS A TRANSLATION ISSUE

O. Tokareva

Annotation

The article aims to reveal trends in the contextual assignment of animacy and gender to inanimate nouns in English. It describes semantic groups of nouns prone to personification and analyzes means of personification. It compares original texts and their translations into Russian in order to discover similarities and differences between the two linguistic world-views and analyze means of rendering personification.

Keywords: English, animacy, gender, personification, linguistic world-view, translation issues.

*Токарева Ольга Владимировна
Аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет*

Аннотация

В статье выявляются закономерности контекстуальной актуализации категорий одушевленности и гендера в значении английских неодушевленных существительных. Выделяются семантические группы существительных, выступающих объектами персонификации, и анализируются средства персонификации. Производится сопоставление авторских художественных текстов и опубликованных переводов на русский язык с целью выявить сходства и различия между двумя языковыми картинами мира, а также средства передачи персонификации при переводе.

Ключевые слова:

Английский язык, одушевленность, гендер, персонификация, языковая картина мира, проблемы перевода.

Категории одушевленности и гендера представляют особый интерес в рамках изучения разных языковых картин мира. С одной стороны, данные категории отображают универсальный процесс разделения человеческим сознанием всех объектов окружающего мира по принципу дихотомии на живые и неживые с последующим разделением живых объектов на носителей мужского и женского гендера. С другой стороны, между языками наблюдаются различия в концептуализации предметов и явлений как живых или неживых, а также их разделении по гендерному признаку. В рамках нашего исследования мы изучили особенности актуализации категорий одушевленности и гендера в англоязычных текстах и проанализировали, каким образом происходит актуализация данных категорий при переводе англоязычных текстов на русский язык.

Под актуализацией традиционно понимается реализация потенциальных свойств языковых элементов в речи, приспособление их к требованиям данной речевой ситуации [13]. И.В.Арнольд описывает актуализацию как проявление импликационных сем при использовании слова в производном значении и при деривации [1]. Мы же используем данный термин для описания ситуаций, в которых контекстуальное окружение наводит окказиональные семы на слово, и рассматриваем ситуации контекстуального наведения сем одушевленности и гендера, характерного для персонификации.

Говоря о понятии персонификации, современные исследователи отмечают наличие большого количества синонимичных ему понятий (олицетворение, персонализация, прозопопея, анимализация и др.), множественность его трактовок и отсутствие единого мнения относительно его объемов [7; 10; 14]. Кроме того, остается спорным вопрос о взаимоотношениях между персонификацией, метафорой и аллегорией. В данной статье мы не ставим перед собой задачу подробно рассмотреть эти вопросы, однако отметим, что в дальнейшем мы будем использовать термин "персонификация" для обозначения ситуаций наделения предметов и явлений свойствами живых существ как в рамках авторских стилистических приемов, так и в рамках языкового узуса, поскольку считаем, что персонификация имеет много общего с метафорой, и подход, применяемый к метафоре (анализ ее механизмов как тропа в стилистике и как средства номинации в лексикологии), может быть успешно применен и к персонификации при анализе языковой картины мира.

Проведенный нами анализ ряда произведений англоязычной художественной литературы (27 наименований; 300 примеров персонификации, отобранных методом сплошной выборки) показал, что существительные, обладающие высоким потенциалом актуализации категорий одушевленности и гендера в их значении, можно разделить на несколько семантических групп. Кроме то-

го, он позволил сделать ряд выводов относительно средств персонификации.

К первой группе существительных мы отнесли предметы и явления окружающего мира, происхождение которых не обусловлено человеческой деятельностью. В этой группе из общего количества примеров (83 примера) выделяется несколько подгрупп.

Одна из подгрупп представлена обозначениями небесных тел (*Sun, Moon, star*). Рассмотрим следующий пример:

The moon grew hungry, thinner and thinner, until she was just a slice of herself, and her tips were as sharp as a knife [29].

У Луны пропал аппетит, она худела на глазах, пока от нее не осталась только тонкая долька с острыми, как нож, кончиками [12].

В данном примере представлено традиционное с точки зрения английской лингвокультуры приписывание небесному телу женского гендера с помощью соответствующих местоимений. В качестве средства персонификации также выступает прилагательное *hungry*. В переводном тексте актуализация одушевленности происходит за счет нескольких единиц контекста (*annetum; худела*). Между оригинальным и переводным текстом наблюдается гендерная эквивалентность.

Еще одну подгруппу формируют обозначения водоемов и воды (*water, river, sea, ocean*).

The river was a girl like me [24].

Эта река была девушкой, такой, как я [17].

Персонификация достигается за счет употребления существительного *girl*, актуализующего одновременно значения одушевленности и гендера, в качестве части составного именного сказуемого. Данную персонификацию мы трактуем как авторскую, поскольку в справочном материале (словарь Oxford Dictionary of English [28]) сфера употребления данного слова ограничена одушевленными денотатами. Отметим, что авторская персонификация была полностью передана при переводе.

В следующую подгруппу входят обозначения деревьев (*tree, oak, apple tree, elm, fir*).

I could imagine myself to be mistress of all the trees, they bowed their branches in obeisance, rustled their leaves in a murmur of fealty [19].

Но в лесу я воображала себя повелительницей деревьев, и они послушно склоняли предо мною ветви, и листва их шепотом приносила мне клятву верности [3].

Актуализация категории одушевленности в данном примере происходит развернутым способом. Задействованы как синкретичные единицы, получившие способность сочетаться и с одушевленными, и с неодушевлен-

ными существительными благодаря механизму метафорического переноса (глаголы *murmur, bow*), так и единицы, подразумевающие семантическую сочетаемость с одушевленными существительными (существительные *obeisance, fealty*). Авторская персонификация полностью сохранена в переводе.

Рассмотрим еще один пример в рамках подгруппы, в которую входят обозначения деревьев:

From there, they all examined the apple trees, who stood in long, twisted rows [32].

Оттуда, где стояли, шайка рассматривала яблоны, которые выстроились длинными коленчатыми рядами [9].

В нормативной грамматике английского языка сочетаемость относительного местоимения *who* жестко ограничена сферой одушевленных существительных. Использование относительного местоимения *who* для отсылки к неодушевленным сущностям является ярким примером грамматической метафоры, определяемой как употребление слов и форм в необычных для них грамматических значениях и / или с необычной предметной соотношенностью [2].

Русское относительное местоимение "который" нейтрально с точки зрения одушевленности, поэтому в данном случае можно говорить о значительном снижении экспрессивности перевода по сравнению с оригиналом.

В следующую подгруппу персонифицируемых существительных входят обозначения воздуха и его потоков (*air, wind, breeze, hurricane*).

The wind sighed over his shelled ears [20].

В ушах, как в раковинах, вздыхал ветер [6].

Как в оригинальном, так и в переводном тексте персонификация достигается за счет употребления синкретичных глаголов. Наличие схожих узуальных оборотов в двух языках свидетельствует о том, что в двух разных языковых картинах мира присутствует представление о ветре как о живом существе.

Еще одну подгруппу составляют обозначения огня (*fire, flame, flare, spark*).

The fire licked up the silk... [30]

Пламя лизнуло шелк... [15]

Анализ словарных дефиниций показал, что глаголы *lick* и "лизать", выступающие в качестве средств персонификации, являются синкретичными. Языковые картины мира двух языков демонстрируют схожую концептуализацию огня как живого существа, что можно дополнительно проиллюстрировать с помощью семантически идентичных узуальных словосочетаний *tongues of fire* и "языки пламени".

Вторая группа персонифицируемых существительных включает обозначения предметов и явлений, имеющих неразрывную связь с человеком. В данной группе (82 примера) также выделяется ряд подгрупп.

Одну из подгрупп составляют обозначения частей тела и органов человека (*head, foot, leg, hand, finger, eye, brain, bone, lung, vein*):

Mick's legs were so tired... [26]

Ногу у Мик так устали, что... [11]

Употребление прилагательного *tired* при описании части тела человека является узуальным. В русском языке существуют идентичные узуальные конструкции (глаза устали, рука устала писать и т.д.), одна из которых представлена в переводе.

Еще одна подгруппа объединяет обозначения различных эмоций, чувств и ощущений (*emotion, anger, fear, trepidation, loneliness, calmness, worry, nervousness, panic, sadness, suffering, pain, headache*):

A calm, sullen anger rose in him [26].

В его душе накопала холодная злоба [11].

Синкретичный глагол *rise* при переводе был передан с помощью глагола "накипать", который сочетается только с неодушевленными существительными. Кроме того, в качестве определения в переводе используется прилагательное, нейтральное к категории одушевленности (в отличие от прилагательного *sullen*). В данном случае при переводе произошла нейтрализация персонификации. По-видимому, механизм метафорического переноса сработал в двух языках по-разному. В английском языке эмоции интерпретируются как движущиеся сущности, а способность к самостоятельному передвижению издавна признавалась одним из характерных признаков живого. В русском языке негативные эмоции (накипать могут гнев, негодование и т.д.) уподобляются пене, скапливающейся на поверхности кипящей жидкости.

Рассмотрим еще один пример нейтрализации персонификации при переводе описаний эмоций:

Panic tightened his throat [26].

Горло у него сжалось от страха [11].

Хотя словарная дефиниция указывает на использование глагола *tighten* в сочетании со словами, обозначающими одушевленные сущности, мы склонны считать данную конструкцию узуальной, поскольку поиск по Британскому национальному корпусу позволил выявить схожие примеры с существительными, обозначающими негативные эмоции (*fear tightened my stomach; impatience tightened his face*). Мы полагаем, что переводчик интерпретировал слово *panic* как каузатив, что вызвало субъектно-объектную транспозицию при переводе и нейтрализацию персонификации.

В следующую подгруппу персонифицируемых существительных входят существительные, обозначающие умственную деятельность человека (*idea, thought*).

His thoughts had careened in several directions and he could not get control of them [26].

Мысли его разбегались в стороны, и он не мог их собрать [11].

Словосочетания *thoughts careened* и "мысли разбегались" имеют узуальный характер. Это свидетельствует о том, что в английском и русском языках существует представление о мыслях как об активных, движущихся сущностях. Для вербального выражения данного представления в обоих языках используются глаголы движения.

Третья группа персонифицируемых существительных включает существительные, обозначающие искусственно созданные человеком предметы (107 примеров). Внутри данной группы, как и в случае с предыдущими двумя группами, выделяется ряд подгрупп.

В одну из подгрупп входят существительные, обозначающие здания и их элементы (*building, house, mansion, factory, hotel, window, door, corridor, tower*).

The bleak mansions across the town ravine opened baleful dragon eyes [20].

По ту сторону оврага открыли свои драконьи глаза угрюмые особняки [6].

Значение одушевленности актуализуется в существительном *mansions* за счет употребления в позиции дополнения существительного *eyes* в сочетании с существительным *dragon*, выполняющим функцию определения. Авторский образ полностью сохранен в переводном тексте.

Еще одна подгруппа – это существительные, обозначающие различные машины и механизмы (*plane, train, car, truck, ship, bus, machine, mechanism*).

... something broke and the machine spat up a plastic spool [25].

... и тут что-то окончательно сломалось - плеер выплюнул пластмассовую бобышку [18].

Анализ словарных дефиниций показывает, что и глагол *spit*, и глагол "выплевывать" являются синкретичными. В обоих языках произошло одинаковое уподобление неправильно работающих механизмов плюющемуся живому существу.

Для подгруппы, объединяющей машины и механизмы, характерна гендерная персонификация. В нашей выборке достаточно широко представлены относящиеся к ряду узуальных примеры использования местоимения женского рода *she* при отсылке к транспортным средствам. Исследователи отмечают, что использование ген-

дерного местоимения *she* или нейтрального местоимения *it* для обозначения транспортных средств зависит от личного отношения говорящего к объекту [22; 31]. В качестве иллюстрации приведем следующий пример:

'There's only one van like that in the whole world and she's mine and I love her.'

'Don't worry,' Vida said. 'I'll love it, too.' [21]

- Хорошо, бери, только рули осторожнее. На всем белом свете это только один такой фургон - мой, и я люблю его.

- Не волнуйся, - сказала Вайда. - Я его тоже полюблю [5].

В оригинальном тексте разница между отношением участников диалога к фургону проявляется достаточно ярко. Используя местоимение с гендерной окраской, первый говорящий демонстрирует особую привязанность к фургону и его очеловечивание в своем сознании. Очевидно, что второй говорящий отстранен от объекта и не испытывает к нему никаких эмоций. В переводе на русский язык передать подобный контраст за счет употребления местоимений невозможно, поскольку русские личные и притяжательные местоимения не обладают избирательностью по признаку одушевленности / неодушевленности. В результате переводы подобных фрагментов зачастую демонстрируют сниженную степень экспрессивности по сравнению с оригиналом.

Также следует отметить наличие конфликта между актуализованным в оригинальном тексте женским гендером и мужским родом существительного "фургон".

Гендерная персонификация распространяется не только на транспортные средства. Персонифицироваться также могут различные предметы быта:

I go into the kitchen, but the Braun coffeemaker I've programmed (...) hasn't done its job. I check Eva's plug and press some of her buttons, but the whole LED display is shot [29].

Я пошла в кухню, но кофеварка, которую я запрограммировала (...) не сработала. Я проверила, включена ли Ева в сеть, нажала на все кнопки, но дисплей не загорался [12].

Рассказчица наделяет кофеварку женским именем, тем самым "одушевляя" данный предмет. В русском языке слово "кофеварка" относится к женскому роду, что сделало возможной передачу гендера при переводе.

Однако в русском тексте наблюдается некоторое ослабление одушевленности. Данная сема актуализуется лишь за счет имени собственного, в то время как в английском тексте актуализация обеспечивается также за счет местоимения *her*.

В четвертую группу персонифицируемых существительных входят слова темпоральной семантики (*time, day, night, morning, year, September*, 16 примеров).

September came with its skirts of fire [24].

Пришел сентябрь с волнами пожаров [17].

Авторский образ календарного месяца как живого существа создается за счет употребления глагола *come* и существительного *skirts*, обеспечивающего актуализацию женского гендера. При переводе произошла потеря авторской гендерной персонификации, что могло быть вызвано межъязыковым гендерным конфликтом (слово "сентябрь" относится к мужскому роду, однако слово *skirt* требует актуализации женского рода в переводе). В данном примере можно говорить о частичном сохранении персонификации, которую в переводном тексте обеспечивает употребление синкретичного глагола "приходить", сочетающегося со словами темпоральной семантики.

Отметим, что подобные слова обладают определенной особенностью в английском языке. Н.П.Федорова, А.И.Варшавская и Л.С.Бархударов фиксируют частотное употребление в английском языке существительных темпоральной, а также локальной и каузативной семантики в качестве подлежащего [4; 16] в сочетании с предикатом, характерным в первую очередь для одушевленных существительных. Рассмотрим один из таких примеров:

The twenties saw the construction of nearly all Detroit's great buildings... [23]

В двадцатых годах были возведены почти все знаменитые здания Детройта [8].

Хотя подобные персонификации являются узуальными, некоторые исследователи отмечают их метафоричность [27]. Кроме того, они представляют интерес с точки зрения перевода на русский язык, поскольку они обычно требуют использования замен при переводе, а именно вынесения темпоратива в позицию обстоятельства времени с целью придания предложению естественного для русскоязычного читателя звучания.

В пятую группу персонифицируемых существительных входят слова локативной семантики и топонимы (*place, city, country, Rome*; 12 примеров). Как было упомянуто выше, для английского предложения характерно использование подобных существительных в позиции подлежащего (например, *South America saw an increase in tourist arrivals*). Кроме того, подобные слова часто употребляются в метонимическом значении (например, *The country was in shock following the Brexit result*). Наша выборка содержит как подобные узуальные конструкции, так и примеры персонификации:

On the anvil of August, the city lay paralyzed, stunned into stupidity by the heat. The sidewalks shrank under the sun. It was a landscape of total surrender [24].

Город лежал в августовской духовке обкуранный, парализованный, отупевший от жары. Тротуары трескались под солнцем. Картина полной капитуляции [17].

Сема одушевленности актуализуется в существительном *city* развернутым способом за счет употребления прилагательных *paralyzed* и *stunned*, а также существитель-

ного *stupidity*. Мы трактуем данный пример как авторскую метафору, а не узуальное использование локальной метонимии, поскольку в последующих предложениях автор рисует картину городского пейзажа, т.е. рассматривает город в отрыве от человека. Авторская персонификация сохранена в переводном тексте.

Анализ частотности употребления различных средств персонификации в англоязычных текстах показал, что самым распространенным способом актуализации категории одушевленности в значении неодушевленного существительного является его корреляция с глаголом, в семантическую структуру которого входит сема одушевленности. Данный способ представлен в 192 из 300 примеров выборки (64%). Вероятно, это вызвано тем, что глагол в своем обобщенном грамматическом значении связан с отображением динамического признака, действия, а деятельность и активность, как известно, напрямую связаны с представлением об одушевленности.

Следующими по частотности оказались развернутая персонификация (39 примеров) и гендерная персонификация с использованием различных форм местоимений *he* и *she* (36 примеров).

В остальных примерах выборки (33 примера) в качестве средств персонификации используются существительные, прилагательные и наречия.

Сопоставление оригинальных текстов и переводов показало, что персонификация чаще всего сохраняется при переводе в тех случаях, когда переводчики имеют дело с авторскими образами. Нейтрализация авторской персонификации в нашей выборке произошла в 9% примеров. Вероятно, высокая степень передачи персонификации связана со стремлением переводчиков максимально точно передать атмосферу оригинального текста и авторский стиль письма.

Узуальная персонификация оказалась нейтрализованной примерно в 30% примеров из нашей выборки. Чаще всего нейтрализация происходила при переводе предложений, в которых фигурировали описания эмоций.

Наибольшее количество потерь при переводе приходится на случаи актуализации категории гендера. В нашей выборке лишь в 20% примеров переводчикам удалось передать и актуализованный гендер, и сопряженное с ним значение одушевленности. Задачу переводчика при работе с таким типом персонификации значительно усложняет наличие грамматической категории рода в русском языке, а также отсутствие чувствительности русских личных и притяжательных местоимений к категории одушевленности / неодушевленности, однако отметим, что ограничения, накладываемые системой переводящего языка, не являются непреодолимыми, и подбор ситуативных эквивалентов может помочь их преодолеть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / Науч. редактор П.Е.Бухаркин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 444 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
3. Аткинсон К. Человеческий крокет: роман // пер. с англ. Анастасии Грызуновой. СПб.: Азбука, 2013. 411 с.
4. Бархударов Л.С. Языки и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
5. Бротиган Р. В арбузном сахаре: Романы, рассказы // Пер. с англ. А. Грызуновой и др. СПб.: Азбука-классика, 2002. 384 с.
6. Брэдли Р. Вино из одуванчиков // пер. Э.Кабалевская. М.: Эксмо, 2013. 384 с.
7. Воскресенская С.Ю. Метафора и персонификация: к проблеме взаимоотношений // Вестник ТвГУ. Серия "Филология". № 4. Изд-во ТвГУ, 2016. С. 11–15.
8. Евгенидис Д. Средний пол // пер. с англ. М.Ланиной. СПб.: Амфора, 2003. 752 с.
9. Зусак М. Книжный вор // пер. Н.Мезин. М.: Эксмо, 2014. 560 стр.
10. Константинова С.К. Олицетворение в художественном тексте: семантический и грамматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 1996. 223 с.
11. Маккаллера К. Сердце – одинокий охотник // пер. Е.Голышева. М.: Молодая гвардия, 1961. 318 с.
12. Пиколт Д. Ангел для сестры // пер. с англ. О. Бершадская. Белгород: КСД, 2011. 432 с.
13. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
14. Серебрякова Е.В. Проблема определения "персонификации" в стилистике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. №2. Изд-во МГОУ, 2010. С. 64–68.
15. Стейнбек Д. Квартал Тортилья-Флэт // пер. с англ. И.Гуровой. СПб.: Азбука-классика, 2004. 256 с.
16. Федорова Н.П., Варшавская А.И. Перевод с английского языка. Повышенный уровень. Часть 2. СПб.: Невский ракурс, 2011. 192 с.
17. Фитч Д. Белый олеандр // пер. А.Веденичева. СПб.: Амфора, 2005. 560 с.
18. Франзен Д. Поправки // пер. Л.Сумм. М.: Иностранка, 2008. 672 с.
19. Atkinson K. Human Croquet: A Novel. New York: Picador, 1997. 352 p.
20. Bradbury R. Dandelion Wine. New York: Avon Books, 1999. 267 p.
21. Brautigan R. Revenge of the Lawn, The Abortion, So the Wind Won't Blow It All Away. Boston: Mariner Books, 1995. 544 p.
22. Curzan Anne. Gender Shifts in the History of English. Cambridge University Press, 2003. 223 p.

23. Eugenides J. Middlesex. New York: Picador, 2007. 544 p.
24. Fitch J. White Oleander. Boston: Little, Brown, 1999. 390 p.
25. Franzen J. The Corrections. New York: Picador, 2002. 576 p.
26. McCullers C. The Heart is a Lonely Hunter. Boston: Houghton Mifflin, 2000. 359 p.
27. Newmark P. Paragraphs on Translation. Philadelphia: Multilingual Matters, 1993. 192 p.
28. Oxford Dictionary of English, Revised Edition. [Электронный ресурс]. ABBYY Lingvo x 3, 2008. (CD-ROM)
29. Picoult J. My Sister's Keeper. New York: Washington Square Press, 2005. 448 p.
30. Steinbeck J. Tortilla Flat. London: Penguin Classics, 1997. 208 p.
31. Wagner S. Gender in English Pronouns: Myth and Reality [Электронный ресурс]. URL: <https://freidok.uni-freiburg.de/dnb/download/1412> (дата обращения: 02.09.2017).
32. Zusak M. The Book Thief. New York: Alfred A. Knopf, 2007. 576 p.

© О.В. Токарева, (ov-tokareva@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

РЕКЛАМА

MiningWorld
Russia

MiningWorld

22-я Международная выставка
машин и оборудования
для добычи, обогащения
и транспортировки
полезных ископаемых

17–19 апреля 2018
Москва, Крокус Экспо

Подробнее о выставке
miningworld.ru

ufi
Approved
Event